

С НИМ БЫЛО ЛЕГКО

Папа... Хочется восстановить в памяти все, что помню о нем, представить его себе живым, разговаривающим, полным энергии.

Москва... 1930 или 1931 год, мне 5—6 лет. В комнате устанавливается шведская стенка, в простенке между кабинетом отца и столовой вкручиваются кольца. Это для меня. Отец показывает, как делать упражнения, помогает и очень радуется, когда у меня получается. Каждый день я должна заниматься. В выходные дни зимой — каток. Учит бегать на коньках опять папа.

Летом, во время папиного отпуска, уезжаем с ним в Крым, в Мухалатку. Папа учил меня плавать. Держаться на воде я уже умела, но в глубоких местах боялась, бултыхалась только у берега. Как-то мы катались на лодке, отплыли далеко от берега. Я встала во весь рост и как замороженная смотрела на море. Этим моментом и воспользовался отец. Он взял меня на руки и бросил в воду. Я испугалась, стала барахтаться, а он спокойно сидит в лодке и приговаривает:

— Плыви. Не бойся. Ты ведь умеешь плавать.

Я поплыла. И с тех пор перестала бояться глубины...

Спорт не был для него лишь развлечением. Отец говорил, что молодежь наша должна быть крепкой, смелой, выносливой, а станет она такой, если будет всерьез и упорно заниматься спортом. Сам он отлично бегал на коньках, прекрасно плавал (в молодости легко переплывал Днепр), очень любил верховую езду. Еще мальчишкой, гимназистом, а затем и студентом объезжал диких лошадей. Это, как рассказывал отец, помогло ему в дальнейшем, когда во время похода Южной группы 12-й армии пришлось несколько суток находиться в седле. Помню, бывая на даче, отец каждый выходной день уезжал на несколько часов верхом.

На даче у нас с ним была любимая игра. Отец забирал меня с собой в лес и устраивал своеобразный экзамен по географии. Я должна была быстро отвечать на вопросы: «Какой главный город Бельгии?», «На какой реке стоит Лондон?», «Тебе нужно попасть из Москвы в Мексику. Как ты поедешь? Представь себе карту и сообрази, какой путь короче, где можно добраться самолетом, где поездом, где пароходом, да расскажи, чем интересны встречающиеся на пути города». Обычно, гуляя в лесу, мы с ним решали и множество других, не менее сложных задач.

В нашей школе организовался авиамодельный кружок, а руководителя не было. Я попросила отца найти нам такого человека. Он ответил:

— Раз это не для тебя лично, а для школы, для всех ребят, помогу.

И помог. У нас появился чудесный руководитель, и половина школы заболела авиамоделизмом.

— Папа,— спросила я как-то,— а за что ты получил орден Красного Знамени?

— За прорыв.

— За прорыв? Но ведь за это наказывают, а тебе вдруг — орден!

Отец рассмеялся. Дело в том, что я уже читала газеты и знала, что если завод в прорыве, то это очень плохо. Отцу пришлось объяснять мне, что существует и другое значение данного слова. Тогда он и рассказал мне о прорыве из вражеского окружения Южной группы войск 12-й армии.

«Чапаев»... Как все ребята середины 30-х годов, я была захвачена, увлечена этой кинокартиной. Смотрела ее, наверное, раз двадцать. И наверняка не меньше трех раз вместе с отцом. Кроме «Чапаева» он любил фильмы «Тринадцать» и «Мы из Кронштадта». И еще очень любил театр. Правда, бывать в театре ему удавалось нечасто. Работали в те времена и ночами. Домой отец нередко приезжал в четыре—пять утра. Но если попадал в театр, отдавался представлению целиком. Садился в самый дальний угол ложи, чтобы его никто не видел, и очень не любил разговаривать во время действия. Чаще всего бывал в Художественном театре. Помню, он похвально отзывался о спектаклях «Платон Кречет» и «Анна Каренина». С собой меня взял отец впервые в Малый театр

на «Бронепоезд 14-69». Этот спектакль он также высоко ценил.

Бывал отец в театре имени Вахтангова. Он посмотрел там, по-моему, почти все постановки. Помню, была я с ним на спектакле «Разъезд Далекое». Когда опустился занавес, к нам в ложу заглянул артист Горюнов, исполнявший отрицательную роль. Отец шутя сказал ему, что так хорошо играть нельзя: тускнеют основные персонажи.

Отец любил оперу, балет, музыку. Слушать музыку было для него огромным наслаждением.

Вспоминая отца, я поражаюсь разносторонности его интересов. Он увлекался математикой, хорошо знал литературу. С глубоким восхищением отзывался о Горьком, у которого не раз бывал на даче. Да и не только о Горьком. Многие стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова отец знал наизусть. Своей любовью к книгам, литературе я обязана именно ему.

С полным текстом документа можно ознакомиться в библиотеке